

Цветок на Земле / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Цветок на Земле / рассказ ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днем спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

– Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, – сказал нынче утром Афоня дедушке.

– Не буду, Афонюшка, я не буду, – ответил дед. – Я лежать буду и на тебя глядеть.

– А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? – спросил тогда Афоня.

– Нынче я не буду глаза смежать, – обещал дедушка Тит. – Нынче я на свет буду смотреть.

– А отчего ты спишь, а я нет?

– Мне годов много, Афонюшка... Мне без трех девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

– А тебе ведь темно спать, – говорил Афоня. – На дворе солнце горит, там трава растет, а ты спишь, ничего не видишь.

– Да я уж все видел, Афонюшка.

– А отчего у тебя глаза белые и слезы в них плачут?

– Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде деда были хлебные крошки, и там жил еще один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда – пусть живет отдельно. Руки дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые черные жилы, эти руки много земли испахали. Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели Равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

– Не спи, дедушка! – попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать подсадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели ее; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

– Мамы нету, папы нет, дедушка спит, – говорил Афоня сам себе. Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже утомились и хотели уснуть.

– Проснись, дедушка, – просил Афоня. – Ты спишь?

– А? Нету, я не сплю, – ответил дедушка Тит с печки.

– Ты думаешь? – спрашивал Афоня.

– А? Я тут, Афоня, я тут.

– Ты думаешь там?

– А? Нету, я все обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

– Дедушка Тит, а ты все знаешь?

– Все, Афоня, я все знаю.

– А что это, дедушка?

– А чего тебе, Афонюшка?

– А что это все?

– А я уж позабыл, Афоня.

– Проснись, дедушка, скажи мне про все!

– А? – произнес дедушка Тит.

– Дедушка Тит! Дедушка Тит! – звал Афоня. – Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня утомился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей теплой землей.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

– Вставай, дедушка, – сказал Афоня. А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он

захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснется.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колесики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

– Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

– А ты не спи! – сказал Афоня. – Ты скажи мне про все! А то ты спишь и спишь, а потом умрешь, мама говорит – тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про все?

– Обожди, дай мне квасу испить, – произнес дед и слез с печи.

– Ты опомнился? – спросил Афоня.

– Опомнился, – ответил дед. – Пойдем сейчас белый свет пытаться.

Старый Тит испил квасу, взял Афону за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повел Афону полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

– Это я сам знаю! – протяжно сказал Афоня. – А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про все! А этот цвет растет, он не все!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

– Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь – песок мертвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живет и не дышит, он мертвый прах. Понял теперь?

– Нет, дедушка Тит, – сказал Афоня. – Тут понятного нету.

– Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот

тебе и есть, откуда все берется. Цветок этот – самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.

– А трава и рожь тоже главное делают? – спросил Афоня.

– Одинаково, – сказал дедушка Тит.

– А мы с тобой?

– И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот желтый цвет на лекарство идет, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снес. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его, или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, желтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

– Теперь я сам знаю про все! – сказал Афоня. – Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошел опять в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал желтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнес в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принес его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

– Спасибо тебе, Афонюшка, – сказал дед. – А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мертвом песке живут?

– Не сказывали, – ответил Афоня. – Ты вон сколько живешь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про все. Ты не знаешь.

– Правда твоя, – согласился дед.

– Они молча живут, надо у них допытаться, – сказал Афоня. – Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка

спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

Андрей ПЛАТОНОВ. Некаýаlar